

Кузина Филлис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Впервые покинуть отчий дом и поселиться вдали от родителей — большое событие в жизни юноши. Невозможно описать, как доволен и горд я был в свои семнадцать, став хозяином треугольной каморки над кондитерской в Элтеме¹, главном городе одного из наших северных графств! В тот день после обеда отец оставил меня там одного, на прощание сделав несколько простых по сути, но внушительных по тону наставлений, дабы я не сбился с пути в своей новой, самостоятельной жизни. Меня определили в помощники к инженеру, подрядившемуся проложить короткую железнодорожную ветку из Элтема в Хорнби. Место я получил стараниями отца, и по статусу оно было выше того положения, какое занимал он сам, вернее сказать — выше того, какое обыкновенно занимает человек его происхождения и воспитания, ибо отец мой в глазах сограждан с каждым годом становился все более заметной и уважаемой фигурой. Механик по

---

¹ По мнению английских комментаторов, в описании Элтема Гаскелл опирается на свои воспоминания о Натсфорде — городке в графстве Чешир на северо-западе Англии, где выросла писательница.

профессии, он был прирожденный изобретатель, невероятно настойчивый в достижении цели, благодаря чему сумел внедрить несколько важных усовершенствований для железных дорог. Изобретал он отнюдь не в погоне за прибылью, хотя от вознаграждения, которое ему по праву причиталось, благодарно не отказывался. Вы спросите, что, если не деньги, побуждало его воплощать в жизнь свои замыслы? Отец объяснял это просто: пока идея не реализована, она не дает ему покоя ни днем ни ночью. Впрочем, довольно о моем дражайшем батюшке. Добавлю только, что счастлива та страна, где много подобных ему.

Отец был потомственный и убежденный индеепендент¹. Именно этим обстоятельством объясняется его решение поместить меня в комнатухе над кондитерской: лавку держали родные сестры нашего приходского пастора, и одно это должно было уберечь мою нравственность от соблазнов города, когда у меня появится возможность безнадзорно распоряжаться собой и своим жалованьем — без малого тридцать фунтов в год!

Поездке в Элтем отец отвел целых два драгоценных дня и даже надел по такому случаю свое

---

¹ *Индеепенденты* — приверженцы радикального конгрегационалистского направления в английской Реформации и влиятельная сила Английской революции, когда их лидером был Оливер Кромвель. Выступали против единой национальной церкви за союз независимых общин верующих; отвергали институт духовенства как иерархически организованного, обладающего особыми правами сословия: каждая община вправе сама избирать себе пастора, учителя, старейшин и диаконов, и все без исключения должны жить трудами своих рук. После реставрации Стюартов (1660) подвергались гонениям, но с 1689 г. при Вильгельме III вновь получили признание.

лучшее платье. Сперва он препроводил меня в контору, где познакомил с моим новым начальником (который считал себя обязанным отцу за какую-то своевременную техническую подсказку), затем мы нанесли визит пастору небольшой элтемской общины индипендентов, после чего отец спешно простился со мной. Как ни жаль было расставаться, я втайне радовался, что отныне сам себе господин. Распаковав плетеный короб с провизией, которую собрала для меня матушка, и обнюхав горшочки с припасами, я ощутил себя полноправным хозяином несметных богатств, которыми можно распоряжаться по собственному усмотрению. Прикидывая в уме, на сколько потянет домашняя ветчина, я уже предвкушал нескончаемые пиршества, но главное удовольствие, повторяю, мне доставляла мысль, что всеми этими яствами я могу лакомиться когда захочу, без спросу и оглядки на других, пусть даже согласных мне потакать. Съестные припасы я убрал в маленький угловой буфет: моя каморка сплошь состояла из углов, и, соответственно, все помещалось в углу — камин, окно, шкаф, — а в центре помещался только я сам, да и то с трудом. Откидной стол примостился прямо под окном, выходящим на рыночную площадь, так что моим предполагаемым ученым занятиям, ради которых отец раскошелился на жилье с «гостиной», грозила нешуточная опасность — попробуйте не отвлечься от книг на кипучую жизнь уличной толпы! Завтракать и обедать я должен был вместе с двумя престарелыми сестрами Доусон в их крошечной столовой позади треугольной лавки внизу,

а вечерний чай или ужин устраивать самостоятельно, поскольку никто не знал наперед, в какое время я буду приходить со службы.

Эйфория, вызванная горделивой радостью недавно оперившегося юнца, вскоре сменилась тоскливым чувством одиночества. Я был единственным ребенком в семье и никогда раньше не жил вдали от дома; и, хотя на словах отец был сторонником сурового правила: «Кнута пожалеешь — испортишь дитя»¹, он всем сердцем любил меня и, сам того не замечая (если бы заметил, первый осудил бы себя), обходился со мной исключительно мягко. Матушка же, напротив, никогда не высказывалась в пользу жестких мер, однако держала меня в строгости; наверное, просто потому, что мои детские проказы досаждали ей больше, чем ему... Так или иначе, я хорошо помню, как горячо она заступалась за меня повзрослевшего, когда однажды я повел себя, на взгляд отца, неподобающим образом — нарушил бескомпромиссные отцовские принципы.

Но сейчас речь не об этом. Я ведь намерен рассказать о кузине Филлис, а сам еще даже не объяснил, кто она такая.

В первые месяцы моей жизни в Элтеме новое чувство ответственности за порученное дело и столь же новое состояние независимости целиком захватили меня. В восемь утра я приступал к работе в конторе, в час шел домой обедать и к двум воз-

---

¹ «Spare the rod, and spoil the child» (*англ.*) — вошедшая в поговорку строка из ироиколической поэмы Сэмюэла Батлера «Гудибрас» (1663–1678), высмеивавшей фанатизм и ханжество пуритан.

вращался на рабочее место. В отличие от утренних, послеобеденные часы складывались по-разному — иногда я продолжал заниматься бумагами, а иногда сопровождал главного инженера мистера Холдсворта на тот или иной участок строящейся линии между Элтемом и Хорнби. Последнее доставляло мне неизмеримо большее удовольствие. Во-первых, эти поездки вносили приятное разнообразие в повседневную рутину; во-вторых, позволяли обозреть окружающие пейзажи (очень живописные, с обилием дикой природы); и в-третьих, предоставляли мне возможность насладиться обществом мистера Холдсворта, которого я по-мальчишески боготворил. Это был молодой человек лет двадцати пяти, стоявший значительно выше меня по рождению и образованию; к тому же он успел поехать по Европе и в его усах и бакенбардах угадывался иностранный лоск. Я очень гордился, что меня видят в компании с ним. Во многих отношениях он и в самом деле был превосходный малый, мне повезло попасть в его руки, другой начальник мог оказаться куда как хуже.

Каждое воскресенье по настоянию отца я писал домой отчет обо всем, что произошло за истекшую неделю; но жизнь моя была настолько однообразна, что подчас я не знал, чем заполнить письмо. По воскресеньям я дважды в день посещал молитвенное собрание в темном узком переулке — слушал заунывные гимны, и долгие молитвы, и нескончаемую проповедь. В малочисленной элтемовской общине я был лет на двадцать моложе самых молодых из прихожан. Иногда наш пастор мистер

Питерс после второй службы звал меня к себе на чай. Как же я тяготился этой честью! Весь вечер сидеть на краешке стула и отвечать на многозначительные вопросы, задаваемые утробным басом, пока часы не пробьют восемь (время домашнего молебна), и тогда в дверях, разглаживая на животе передник, появится хозяйка миссис Питерс в сопровождении единственной служанки... И пошло-поехало: сперва проповедь, потом чтение главы из Писания, потом предлинная импровизированная молитва... Наконец какой-то внутренний голос шепнет мистеру Питерсу, что пора ужинать, и мы поднимаемся с колен, преисполненные единственного чувства — голода! За трапезой хозяин позволял себе немного опроститься и отпускал одну-другую тяжеловесную шутку, желая, вероятно, показать мне, что духовные пастыри — тоже люди. В десять я мог идти домой, в свою треугольную каморку, и там наконец-то беззастенчиво зевать, предвкушая долгожданный сон.

Дина и Ханна Доусон (так значились их имена на вывеске над входом в лавку, хотя я всегда звал их соответственно мисс Доусон и мисс Ханна) считали, что приглашение домой к мистеру Питерсу — величайшая честь, какой только может удостоиться юноша вроде меня: обладая столь великой привилегией, надо быть поистине современным Иудой Искарриотом, чтобы не заслужить спасения души! А вот насчет моего тесного общения с мистером Холдсвортом... Тут сестры сокрушенно качали головой. Меня же переполняла благодарность к этому джентльмену. И однажды, отрезая сочный

ломоть ветчины, я размечтался, как славно было бы пригласить его к себе на чай, особенно теперь, когда под окном шумит ежегодная элтемская ярмарка и площадь пестрит разноцветными палатками, каруселями, странствующим зверинцем и прочими провинциальными увеселениями, на которые я в свои семнадцать лет смотрел раскрыв рот. Но стоило мне издалека завести разговор о своем желании, как мисс Ханна мигом раскусила меня, осудив греховные зрелища и прибавив что-то про тех, кого вечно тянет валяться в грязи¹; потом она ни с того ни с сего перескочила на Францию и богомерзких французов, растлевающих всех, кто хоть однажды ступил на их землю. Сообразив, что ее праведный гнев неуклонно устремляется к одной цели и что цель эта — мистер Холдсворт, я почел за лучшее поскорее доесть свой завтрак и убраться подальше. Вот почему через несколько дней меня так изумил случайно подслушанный разговор двух почтенных сестриц: обе радостно подсчитывали доход от ярмарочной недели и соглашались друг с другом, что кондитерская на углу рыночной площади — очень неплохая вещь. Однако позвать к себе мистера Холдсворта я все же не решился.

О первом годе моего пребывания в Элтеме рассказывать, в сущности, больше нечего. Но в канун девятнадцатилетия, когда я начал подумывать, не отпустить ли и мне бакенбарды, состоялось мое

---

¹ См. слова апостола Петра о лжепророках и лжеучителях: «Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2 Пет. 2: 22).

знакомство с кузиной Филлис, о чьем существовании я до той поры ни сном ни духом не ведал. Мы с мистером Холдсвортом на целый день уехали в Хитбридж и трудились не покладая рук. Хитбридж находится неподалеку от Хорнби, из чего легко можно заключить, что к тому времени наша ветка была проложена уже больше чем наполовину. Помимо всего прочего, вылазка за город давала столь необходимый мне материал для еженедельных писем домой, и на сей раз я много места уделил описанию природы (обычно такой грех за мной не водился), поведав отцу о зарослях болотного мирта¹ и полях мха — о зыбкой почве, по которой нужно было тянуть железную дорогу; о том, как мы с мистером Холдсвортом ходили обедать в близлежащую живописную деревушку (собственно Хитбридж), поскольку нам пришлось заночевать и остаться на второй день; и о том, что я надеялся еще не раз повторить свое путешествие, ибо коварная местная почва заводила в тупик наших инженеров: стоило им приподнять один конец полотна, как другой немедленно проваливался вниз. (Из сказанного несложно заметить, что меня мало заботили интересы акционеров; от нас лишь требовалось обеспечить устойчивость новой ветки до того момента, пока железнодорожный узел не введен в строй.) Все это я изложил подробнейшим образом, радуясь, что наконец-то нашлось чем заполнить пустые страницы.

---

¹ Имеется в виду восковник болотный, или восковница (*лат.* *Myrica gale*).

Из родительского ответа я узнал, что троюродная сестра моей матери замужем за пастором независимой общины Хорнби, и звать его Эбенезер Холмен, и живет он в той самой деревне Хитбридж, которую я описал, по крайней мере так полагает моя матушка. Сама она никогда не встречалась с кузиной Филлис Грин, но, по мнению моего батюшки, вышеупомянутая кузина — в каком-то смысле богатая наследница, ибо ее отец Томас Грин владеет полусотней акров земли и все его состояние когда-нибудь перейдет к единственной дочери. По-видимому, название Хитбридж сильно возбудило родственные чувства матушки; и отец передал мне ее просьбу: когда я снова окажусь в тех краях, навести справки о преподобном Эбенезере Холмене и, ежели он и впрямь живет там, спросить, не женился ли он в свое время на девице Филлис Грин, и ежели на оба вопроса мне дадут утвердительный ответ, то пойти к нему и отрекомендоваться сыном Маргарет Мэннинг, урожденной Манипенни. Я проклинал себя и тот час, когда обмолвился о Хитбридже. Знать бы наперед, чем это обернется для меня! Одного пастора-инdependента более чем достаточно для любого нормального человека, ворчал я про себя, но мне выпала особая честь не только знать мистера Доусона (то бишь каждое воскресное утро штудировать с ним катехизис), пока я жил в отчем доме, но еще и выказывать почтение старику Питерсу в Элтеме и по пять часов кряду сидеть тише воды, ниже травы в ожидании обещанного чая. И вот теперь, когда я полной грудью вдохнул вольного воздуха Хитбриджа,

мне приказано разыскать очередного пастора, который, чего доброго, тоже начнет устраивать мне допрос и читать наставления — или заманит к себе «на чайк»! Кроме того, я совсем не хотел навязываться незнакомым людям, никогда, быть может, не слыхавших фамилию моей матери (престранную, к слову сказать, — Манипенни!)¹; но даже если они что-то слышали, скорее всего, им не было никакого дела до моей матушки, как и ей до них, пока мне не стукнуло в голову обмолвиться про Хитбридж.

При всем том я не собирался идти наперекор родителям из-за такого пустяка, хоть и крайне досадного для меня. Вскоре дела снова привели нас в Хитбридж, и за обедом в тесной трапезной деревенского трактира я улучил минуту, когда мистер Холдсворт зачем-то вышел, и задал румяной девчонке-подавальщице те самые вопросы, которые мне велели задать. Либо я неясно выразился, либо девчонка была глупа как пробка: сказала, что ничего не знает, но спросит у хозяина. Засим, разумеется, появился трактирщик, пожелавший услышать из первых уст, чего мне угодно. Пришлось повторить свои вопросы, уже в присутствии мистера Холдсворта, который, думаю, не придавал бы им никакого значения, если бы я не краснел, не путался и не запинаясь на каждом слове — если бы, короче говоря, сам не выставил себя дурнем.

---

¹ Пародийно звучащая, но реально существующая английская фамилия, составленная из двух близких по значению слов «деньги» и «пенни»; возможно, возникла как прозвище богатея или (иронично) неимущего.

Трактирщик подтвердил, что ферма с названием «Надежда» имеется в Хитбридже, и владеет ею мистер Холмен, пастор-индепендент, и жену его вроде бы зовут Филлис. Ее девичья фамилия Грин — это факт.

— Родственники? — поинтересовался мистер Холдсворт.

— Нет, сэр... просто дальняя родня моей матери. Ну да, выходит, что родственники. Только я их в глаза не видывал.

— До фермы отсюда рукой подать, — подойдя к окну, услужливо сообщил трактирщик. — Вон, гляньте-ка, за той клумбой с мальвой терновник в саду, видите? А выше пучок чудных каменных труб. Это и есть их «Надежда». Ферма старая, но Холмен ведет свое хозяйство как надо.

Мистер Холдсворт проворнее меня встал из-за стола и подошел к окну посмотреть. Услыхав последнюю реплику трактирщика, он с улыбкой обернулся ко мне:

— Согласитесь, крепкий хозяин — редкая птица среди сельских священников!

— Прошу прощения, сэр, но я уж скажу по-своему: *пастор* Холмен! Для нас священник — служитель Англиканской церкви, и нашему настоятелю обидно было бы слышать, если бы кто-то назвал этим словом раскольника. Так вот, пастор Холмен с хозяйством управляется не хуже заправского фермера. Пять дней в неделю трудится на себя и два — на Господа Бога; и еще неизвестно, какому труду отдает больше сил. По субботам и воскресеньям он

пишет проповеди и посещает свою паству в Хорнби, а в понедельник с пяти утра встает за плуг и пашет, как простой неученый крестьянин... Но у вас обед стынет, джентльмены!

Мы вернулись за стол, но через некоторое время мистер Холдсворт нарушил молчание:

— На вашем месте, Мэннинг, я бы навестил родственников. Сходите хоть поглядите на них, пока мы дожидаемся сметы от Добсона, а я посижу в саду, выкурю сигару.

— Благодарю, сэр. Но я их совсем не знаю и не уверен, что хочу узнать.

— Тогда к чему было спрашивать о них? — Он быстро взглянул на меня. (Мистер Холдсворт не признавал бесцельных слов и поступков.) Я ничего не ответил, и он продолжил: — Ну же, решайтесь! По крайней мере, посмотрите, что представляет собой этот пастор-пахарь. Потом расскажете, любопытно будет послушать.

Я привык во всем подчиняться ему, его авторитет и влияние были столь велики, что я беспрекословно отправился выполнять поручение, хотя мне легче было бы взойти на эшафот. Трактирщик, по обычаю всех деревенских трактирщиков наостривший уши, проводил меня к выходу и несколько раз повторил, куда и как идти, словно я мог заблудиться по дороге длиной двести ярдов! Но я терпеливо слушал его указания, радуясь любой отсрочке, чтобы собраться с духом, прежде чем ни с того ни с сего предстать перед незнакомыми людьми.

Итак, я нехотя побрел по проселочной дороге, сшибая прутиком верхушки сорной травы, и за первым или вторым поворотом увидел перед собой ферму. От тенистого, поросшего травой проселка фермерский дом был отделен садом; впоследствии я узнал, что у домочадцев он назывался «двор» — вероятно, потому, что был обнесен низкой стеной с решеткой поверху. Большие двустворчатые ворота с колоннами, увенчанными каменными шарами, соединялись с парадным входом мощеной дорожкой. Однако обитатели дома, как правило, не пользовались ни импозантными воротами, ни парадной дверью; вот и в тот день ворота оказались заперты (хотя дверь была открыта настежь). Я пошел в обход вдоль ограды по едва заметной в траве тропке, миновал каменный монтуар¹, поросший очитком и желтой хохлаткой, и наконец увидел другую дверь (как я потом узнал, хозяин прозвал ее «викарной», а парадный — «помпезный» — вход величал «ректорским»)². Я постучался. Мне открыла высокая девушка примерно моего возраста; она молча смотрела на меня, дожидаясь моих объяснений — кто я и зачем пожаловал. Я как сейчас вижу ее — мою кузину Филлис. Она стоит передо мной в лучах предвечернего солнца, которое разрезает полумрак у нее за спиной косою полоской света.

---

¹ *Монтуар* — подставка, небольшой помост в виде одной или нескольких ступенек для облегчения посадки на лошадь.

² В англиканстве «ректор» (rector) — приходский священник; «викарий» (curate) — второй, младший священник прихода, помощник приходского священника.

На ней было простое синее платье с длинными рукавами и вырезом под горло; края рукавов и горловину украшали скромные оборки из той же материи, оттенявшие белую кожу — до того белую, что и сказать нельзя! Ни раньше, ни позже я ни у кого не видел такой белизны. Волосы у нее были светло-желтые, с золотистым отливом. Она смотрела на меня прямым, открытым взглядом, и в ее крупных невозмутимых глазах читался лишь закономерный вопрос, но отнюдь не испуг при виде незнакомца. Помню, я удивился, что такая взрослая и рослая барышня носит поверх платья маленький детский передник.

Пока я соображал, как лучше ответить на ее немой вопрос, у нее за спиной раздался женский голос:

— Филлис, кто там? Если пришли за пахтой, пусть обождут у черного хода.

Я решил, что правильнее будет говорить не с девушкой, а с обладательницей этого голоса, поэтому молча шагнул вперед и стал на пороге, снявши с головы шляпу. За порогом находился холл, или, скорее, некая общая комната, где семья собирается по вечерам. Маленькая бойкая женщина лет сорока утюжила муслиновые шейные платки возле высокого, увитого плющом окна. Хозяйка смерила меня подозрительным взглядом.

— Меня зовут Пол Мэннинг, — представился я, но тут же понял, что мое имя ни о чем ей не говорит. — Моя матушка в девичестве носила фамилию Манипенни... Маргарет Манипенни.

— Ну конечно! Она же вышла за Джона Мэннинга из Бирмингема! — всплеснула руками миссис Холмен. — Так вы ее сын? Садитесь, садитесь! Дайте посмотреть на вас. Подумать только, у Маргарет взрослый сын! Кажется, она сама только вчера играла в куклы. Хотя... когда это было? Ох, да уж двадцать пять лет назад! Что же привело вас в наши края?

Она тоже уселась, словно под тяжестью любопытства, чтобы услышать от меня про все двадцать пять лет, миновавшие с их последней встречи. Ее дочь Филлис вернулась к своему вязанию (помнится, это был длинный серый мужской чулок). Работала она споро, не глядя на спицы, и меня не оставляло ощущение, что ее глубокие серо-голубые глаза прикованы ко мне, но когда я украдкой взглянул на нее, она внимательно рассматривала что-то на стене над моей головой.

Расспросив меня обо всем, что ее интересовало, миссис Холмен протяжно вздохнула и покачала головой:

— До сих пор не верится, что к нам пожаловал сын Маргарет Манипенни! Жаль, пастора нет сейчас дома. Филлис, ты не знаешь, на каком поле сегодня работает отец?

— На пятиакровом. Там началась жатва.

— Коли так, он будет недоволен, если за ним послать. Иначе непременно познакомила бы вас. Пятиакровое поле далековато отсюда. Но я не отпущу вас из дому, пока не выпьете рюмочку вина с кексом. Говорите, у вас мало времени? А то останьтесь,

Гаскелл Э.

Г 22 Мортон-Холл. Кузина Филлис : роман, повести / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. А. Глебовской, Н. Роговской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-24434-4

«Кузина Филлис» — последний завершенный роман английской писательницы Элизабет Гаскелл, который считается одним из высших ее достижений; это трогательный и грустный рассказ о любви и обманутых надеждах, в котором нет дидактического пафоса, но есть акварельная прозрачность и точность в описании тонких душевных переживаний главных героев. Повесть «Мортон-Холл» — история старинного английского замка и нескольких поколений его хозяев, история, в которой во всей полноте проявился дар Гаскелл как увлекательной рассказчицы, которую по праву называют прекрасной Шахерезадой английской литературы. В сборник также включены «Откровения мистера Гаррисона» — полная юмора и иронии повесть о злоключениях молодого холостяка, который приехал из Лондона в провинциальный английский городок, чтобы заняться врачебной практикой, и неожиданно обрел сразу трех невест... В настоящем издании произведения Элизабет Гаскелл публикуются в новых переводах.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ
МОРТОН-ХОЛЛ
•
КУЗИНА ФИЛЛИС

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Ульяна Смирнова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.01.2024.
Формат издания 76 × 100^{1/32}. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

A-АКБ-33411-01-R